

ментов не будет приводить к столь острым, как до сих пор, дискуссиям между соревнующимися группами ученых разных стран или, во всяком случае, сильно ослабит напряженность в отношениях между ними, а возможно, и окажется стимулирующим моментом к объединению их усилий в труднейшем деле — получении новых элементов.

А. Т. ГРИГОРЬЯН

ВКЛАД БОРИСА ГРИГОРЬЕВИЧА КУЗНЕЦОВА В ИСТОРИЮ НАУКИ

Прежде чем рассказать о вкладе Бориса Григорьевича Кузнецова в развитие истории естествознания и техники, рассмотрим вкратце положение дел в этом важнейшем разделе науки в нашей стране в начале века.

Как известно, до 1917 г. в России не существовало научных центров, деятельность которых была бы связана с исследованиями в области истории науки и техники. Историей науки занимались отдельные крупные ученые — и то, как любители, параллельно с основной научной работой. Благодаря этому к концу XIX в. отечественная наука обогатилась рядом фундаментальных историко-научных исследований. Назовем некоторые: «История физики» Н. А. Любимова (1892), «Исторические сведения о развитии понятий и методов, лежащих в основаниях теории аналитических функций» И. Ю. Тимченко (1892), «Очерки истории развития физико-математических знаний в России» В. В. Бобынина (1886). В. В. Бобынин, кроме того, стал основателем и редактором первого в России историко-математического журнала «Физико-математические науки в их настоящем и прошедшем» (1885—1904) и первым в нашей стране лектором, читавшим курс истории математики в Московском университете. Несколько позже, в 1915 г., был опубликован фундаментальный труд А. Н. Крылова — перевод с комментариями «Математических начал натуральной философии» И. Ньютона, а в 1919 г. — исследование А. В. Васильева «Целое число. Исторический очерк». Великий ученый-энциклопедист XX в. В. И. Вернадский увидел в истории науки самостоятельную область научного знания со своими специфическими проблемами, задачами и методами. Он считал историю науки своей второй специальностью, и им были созданы замечательные историко-научные исследования. Следует, однако, отметить, что работы указанных ученых были связаны исключительно с их личными научными интересами.

В 1921 г. по инициативе В. И. Вернадского в системе Академии наук СССР возникла первая в нашей стране специальная научная организация по изучению истории естествознания и техники. Это была Комиссия по изучению истории науки и техники, через год переименованная в Комиссию по истории знаний (КИЗ). Активное участие в ее работе приняли такие видные ученые, как С. И. Вавилов, А. Ф. Иоффе, В. Л. Комаров, А. Н. Крылов, Н. С. Курнаков, П. П. Лазарев, В. Ф. Миткевич, В. В. Струве, А. Е. Ферсман и др. Комиссия начала издавать серию «Очерки по истории знаний», «Труды» (в первом выпуске которых был опубликован программный доклад В. И. Вернадского «Мысли о современном значении истории знаний»).

В феврале 1932 г. на базе КИЗ в Ленинграде был организован Институт истории науки и техники АН СССР во главе с Н. И. Бухариным. В состав Ученого совета института вошли крупные ученые: А. А. Борисяк, Н. И. Бухарин, Н. И. Вавилов, С. И. Вавилов, В. И. Вернадский, А. Н. Крылов, С. Ф. Ольденбург, Б. М. Гессен, Г. М. Кржижановский, С. Г. Струмилин и др. За короткий срок институт выпустил ряд фундаментальных изданий по истории науки и техники. Однако в феврале 1938 г. в связи с арестом Бухарина институт был закрыт. Позже при некоторых отделениях АН СССР были созданы различные комиссии по

истории науки и техники (Комиссия по истории физико-математических наук, Комиссия по истории техники, Комиссия по истории Академии наук и др.).

В годы Великой Отечественной войны Академия наук СССР поставила перед правительством вопрос о необходимости организации специального института по истории науки. 22 ноября 1944 г. Совет Народных Комиссаров постановил учредить в составе АН СССР Институт истории естествознания. На основании этого постановления президиум АН СССР 9 февраля 1945 г. принял решение об организации в составе Отделения истории и философии Института истории естествознания. В задачи института входило: разработка истории мирового и особенно русского естествознания, хранение и публикация научного наследия классиков русской науки. В состав Ученого совета института наряду с другими крупными учеными (С. И. Вавилов, В. П. Волгин, Н. Д. Зелинский, А. Н. Крылов, Л. А. Орбели, В. П. Потемкин, Е. В. Тарле, А. М. Деборин) вошли: директор института, президент АН СССР В. Л. Комаров и заместитель директора Б. Г. Кузнецов.

Борис Григорьевич Кузнецов, один из основателей Института истории естествознания и техники, автор многочисленных работ по истории и философии науки, сыгравших существенную роль в развитии этой области исследований. Историей науки Б. Г. Кузнецов начал заниматься задолго до организации института. Так, в 30-е гг. он опубликовал ряд работ по истории энергетики и ее научным, физическим и физико-техническим основам (см., например, [1, 2]). Широкую известность он приобрел как автор схемы единой высоковольтной сети СССР [3] и работ, посвященных новым принципам энерготехники (см., например, [4]). Именно эти работы заставили Б. Г. Кузнецова обратить свой взор исследователя на историю науки. Ибо для того чтобы понять все своеобразие эволюции энергетической техники, недостаточно знания новых физических принципов. Необходимо понимание того, как эти принципы изменяются с течением времени. Иными словами, требуется выявить закономерности историко-научного характера.

В 40-х гг. Б. Г. Кузнецов полностью посвятил себя работам по истории физики. За 10 лет (начиная с 1945 г.) появился ряд написанных им статей и книг, среди которых следует особо выделить работы, посвященные творчеству Эйлера [5], Ньютона [6], Лейбница [7], Ломоносова, Лобачевского, Менделеева [8]. В последующих публикациях Б. Г. Кузнецова его исторические оценки становятся все более глубокими и одновременно смелыми по характеру. Изучая развитие классической физики в целом, он уделяет особое внимание творчеству ученых XVII—XVIII вв. (прежде всего, работам Галилея, Декарта, Ньютона, Гюйгенса, Лагранжа, Фарадея и Максвелла). Кроме того, Б. Г. Кузнецов штудировал и математические дисциплины, а также релятивистскую и квантовую физику. В результате он в полной мере овладел указанными дисциплинами, что удачно сочеталось с его высокой эрудицией в области истории и философии. Все это, наряду с личными контактами Б. Г. Кузнецова с выдающимися представителями теоретической физики (особенно с Я. И. Френкелем), благотворно сказалось на его дальнейшем творчестве.

В 1954 г. вышла в свет работа Б. Г. Кузнецова «Творческий путь Ломоносова». В литературе, посвященной М. В. Ломоносову, найдется немного книг, где бы так ярко и точно описывалась современная ему эпоха. В книге содержатся оригинальные оценки и трактовки реальных исторических фактов. В описании личности Ломоносова автору, бесспорно, удалось выявить те черты, которые отличают его именно как русского ученого, и подчеркнуть те факты, которые приобретают особый интерес с позиций современной науки. С середины 50-х гг. Б. Г. Кузнецов в своих исследованиях старается подойти к анализу прошлого с точки зрения современной науки; при этом он акцентирует внимание не только на найденных «положительных решениях», но и рассматривает те проблемы науки минувшего времени, которые еще ждут своего исследователя. Такой подход плодотворно использован Б. Г. Кузнецовым, например, в его работах [9] и [10]. В первой из них частная проблема XVII в. находит решение в контексте весьма общей (если не наиболее общей) проблемы истории физики. Речь идет о выдвинутой Галилеем идее одно-

родности, положившей начало современной физике. Позднее, в XIX в., эта идея была дополнена принципом однородности времени, а в XX в. — принципом однородности пространства—времени. Основываясь на тех же принципах, он пишет трехтомную монографию о развитии физической картины мира [11].

В первом томе книги автору удается выявить связь механического естествознания с энергетикой XVII в., провести анализ идеи абсолютного и относительного движения в «Диалоге» Галилея, а также весьма тонко показать внутреннюю связь Ньютоновых «Начал» с собственно физическими воззрениями их автора. Во втором томе особый интерес представляет описание принципа необратимости, в котором развитие идеи энтропии прослеживается вплоть до ее роли в теории относительности, в квантовой механике и в современной теории информации. В кратких «эпилогах» рассматривается современное состояние принципов относительности, наименьшего действия, сохранения энергии, необратимости и близкодействия. В третьем томе самым удачным оказался заключительный очерк о путях обобщения релятивистской квантовой теории.

В последующих работах Б. Г. Кузнецов совершенствует свой подход к анализу и оценке науки прошлого как в плане логического построения, так и в плане физического смысла концепций. Этому, в частности, способствовали новые идеи в квантовой электродинамике, представление о вакууме поля, попытки построения единой теории элементарных частиц и т. д.

В книге «Эволюция картины мира» (1961) Б. Г. Кузнецов в совершенно иной плоскости рассматривает историю возникновения науки, историческое значение античной атомистики, смысл физики и космологии Аристотеля, а также научные идеи, появившиеся в эллинистических государствах, в Риме, в средневековой Европе и Азии, и, наконец, фундаментальные проблемы естествознания Нового времени (включая теорию относительности, квантовую механику и квантовую электродинамику). По существу, книга представляет собой краткое изложение общей истории естествознания с точки зрения современного физика.

Особенность историко-научной концепции Б. Г. Кузнецова заключается в том, что он отнюдь не отвергает исторического анализа науки далекого прошлого, в частности античной науки. Он считает, что чем дальше развивается наука, тем богаче становится научное наследие, чем решительнее современная наука пересматривает свои концепции, тем дальше в глубь веков идет переоценка исторических ценностей. Плодотворность данной концепции особенно ярко прослеживается в его работах, посвященных теории относительности и ее развитию. В книге «Принцип относительности в античной, классической и квантовой физике» [12] представлен содержательный исторический очерк о релятивистской квантовой физике; даны оригинальные оценки, интересные сопоставления в отношении динамики и космологии Аристотеля; проведено смелое сближение учения Галилея об инерции (о криволинейных движениях предоставленных себе тел) с общей теорией относительности. В работе «Относительность и бесконечность» [13] изложена попытка новой аксиоматизации принципа относительности (Б. Г. Кузнецов выводит понятие относительности из своеобразно интерпретируемого понятия актуальной бесконечности) и в связи с этим исторически рассматривается отношение понятий бесконечности и относительности от Зенона до современной теории квантовых полей. В блестящей монографии «Эйнштейн» [14], получившей среди книг по истории физики широкое признание и распространение, автор проводит сопоставление идей Эйнштейна (сколь неожиданное, столь и убедительное) с положениями рационалистов XVII в., а также впервые предпринимает попытку дать оценку работам Эйнштейна по единой теории поля. Данная книга является вершиной творчества Б. Г. Кузнецова в ряду книг, посвященных теории относительности.

Таков далеко не полный перечень трудов Б. Г. Кузнецова. Остановившись вкратце лишь на его фундаментальных работах по истории и философии естествознания и техники, хотелось бы упомянуть и последнюю книгу, вышедшую в свет в 1984 г. под названием «Встречи» [15]. Книга состоит из десяти очерков

о встречах Б. Г. Кузнецова с крупнейшими русскими и зарубежными учеными: Г. М. Кржижановским, В. Л. Комаровым, В. И. Вернадским, М. П. Воробьевым, Н. А. Морозовым, Я. И. Френкелем, И. Е. Таммом, А. З. Манфредом, Ф. Жолио-Кюри, Луи де Бройлем. Более полувека научной деятельности автора, его общение с указанными выдающимися учеными—организаторами науки и практики, воспоминания о встречах и беседах с корифеями мировой науки — все это нашло отражение на страницах книги. Повествование проникнуто идеей исторического оптимизма и мыслью о связи времен, о бессмертии творчества, о смысле и ценности человеческой жизни.

Помимо собственных историко-научных исследований Б. Г. Кузнецов вел огромную работу по популяризации истории науки: читал лекции, делал научные доклады на всесоюзных конференциях и симпозиумах, выступал на пленумах Советского Национального объединения историков естествознания и техники, а также на заседаниях Ученого совета ИИЕТ АН СССР. В этой его деятельности проявились черты не только крупного ученого-теоретика, но также и блестящего лектора. Работа Б. Г. Кузнецова настолько плодотворна, что трудно в достаточной мере осветить все ее аспекты. Остановимся поэтому на нескольких наиболее значимых докладах Б. Г. Кузнецова, сделанных им на международных конгрессах, конференциях и симпозиумах.

В августе—сентябре 1962 г. в США (Итака, Филадельфия) состоялся X Международный конгресс по истории науки. В состав советской делегации вошло 12 человек, в том числе Б. Г. Кузнецов. Это была его первая зарубежная поездка. На этом конгрессе Б. Г. Кузнецов выступил с докладом на тему «История науки в свете современной науки». В докладе была изложена общая схема анализа и оценки физических теорий прошлого с современных позиций. В качестве исходного пункта исторических оценок фигурировала современная теория элементарных частиц и ее тенденции, особенно попытки обобщения, опирающиеся на понятие трансмутации элементарных частиц. С этих позиций, по мнению Б. Г. Кузнецова, следует по-новому освещать некоторые категории физики Аристотеля, античной атомистики (прежде всего Эпикура) и определить понятие «механическое объяснение природы». Тенденции современной теории элементарных частиц позволяют взглянуть и на теорию относительности и на нерелятивистскую квантовую механику с исторической точки зрения, т. е. с позиций более общей и точной теории.

В сентябре 1964 г. в Италии состоялся Международный симпозиум по истории и философии науки, посвященный 400—летию со дня рождения Галилея. Из 27 членов делегации СССР 17 являлись историками науки, в их число входил и Б. Г. Кузнецов. К юбилею Галилея им была подготовлена и издана научная биография ученого. На симпозиуме Б. Г. Кузнецов выступил с докладом на тему «Логика Галилея и логика современной физики», в котором им были показаны отличительные особенности логических основ Галилеевой механики и учения Аристотеля о движении, а затем логика Галилея сопоставлена с логическими основами теории относительности Эйнштейна, квантовой механики, релятивистской квантовой механики и учения о дискретном пространстве—времени.

В августе 1968 г. Б. Г. Кузнецов принял активное участие в работе XII Международного конгресса по истории науки, состоявшегося в Париже. Он участвовал также в организованном в рамках конгресса коллоквиуме, посвященном развитию понятия структуры в математической физике от древности до наших дней, являясь одним из основных докладчиков (наряду с И. Б. Погребыским — СССР; Л. Розенфельдом — Дания; М.-А. Тоннела — Франция). В рамках конгресса состоялся симпозиум по истории физики и астрономии XIX и XX вв., на котором Б. Г. Кузнецов сделал два доклада: «Галилей и Эйнштейн. Пролог и эпилог классической физики» и «Неклассическая структура в теоретической физике и современная цивилизация». На этом конгрессе Б. Г. Кузнецов был избран председателем Комиссии по истории современной физики.

В конце июня 1969 г. исполнилось 450 лет со дня смерти гениального мысли-

теля эпохи Возрождения Леонардо да Винчи. В связи с этой датой в Италии (во Флоренции и Винчи) состоялся Международный симпозиум «Леонардо да Винчи и развитие науки и техники». В представленном на симпозиуме докладе Б. Г. Кузнецова «Рационализм Леонардо да Винчи и зарождение классической науки» рассматривалась связь эстетической программы и художественной практики Леонардо с теми сторонами его научного мировоззрения, которые ближе всего стоят к классической науке XVII в., к творчеству Галилея, Декарта и Ньютона. Обобщая понятие рационализма, автор отметил, что оно охватывает и предшествующие научные идеи Возрождения, и естественнонаучную и эстетическую мысль эпохи Леонардо.

В октябре 1969 г. в США (в г. Бостоне) состоялся советско-американский симпозиум по истории физико-математических наук. В состав советской делегации вошли: А. Т. Григорьян, А. Ю. Ишлинский, Б. Г. Кузнецов, Ю. С. Мелешенко, И. Б. Погребысский, А. С. Федоров. Все члены делегации выступили с докладами. Б. Г. Кузнецов подготовил доклад на тему «Энергетическая физика и теория тепла во второй половине XVIII и в XIX веке», в котором показал, что эйнштейновские критерии «внутреннего совершенства» и «внешнего оправдания» в классической термодинамике сводятся в основном к анализу двух тенденций. Одна из них — рационалистическая, открывающая в тепловых явлениях некоторые общие принципы учения о природе. Она близка к тому, что Эйнштейн называл «внутренним совершенством», и связана преимущественно с имманентными шагами развития науки. Вторая тенденция заключается в выявлении специфичности каждого ряда событий. В реализации этой тенденции более ощутимы эмпирические истоки термодинамики, т. е. импульсы, которые она получает от производства. Такая тенденция ближе к критерию, названному Эйнштейном «внешним оправданием», под которым он понимал соответствие научной теории эмпирическим данным. «Обе указанные тенденции, — как отметил докладчик, — диалектически связаны; каждая воздействует на другую, исключая их строгое разграничение. Однако возможна некоторая линейная аппроксимация, позволяющая в некоторой степени изолировать эти тенденции. Тогда позволительно сделать вывод о том, что в эволюции учения об энергии сказывалась преимущественно первая тенденция, наряду с имманентными силами развития термодинамики, а в эволюции учения об энтропии — вторая тенденция и внешние импульсы». В заключение Б. Г. Кузнецов отметил, что подобного рода разграничения в современных условиях уже не применимы, так как современное производство и его импульсы неотделимы от имманентных сил научного прогресса; при этом наиболее широкие обобщения, вытекающие из логических структур теорий, непосредственно воздействуют на традиции, сложившиеся в области механики. Докладчик показал, в частности, что влияние методов небесной механики, преобладающее в рассматриваемый период, непосредственно связано с условиями технико-экономического характера — условиями, исключавшими возможность использования в то время эксперимента в нужном объеме и с необходимой точностью (без чего было бы невозможно достаточно широко применить аппарат теоретической механики в технической практике). Обоснование этих положений позволило Б. Г. Кузнецову сделать вывод о том, что выявленная неравномерность в развитии науки и техники рассматриваемого периода предопределила преобладающее влияние математических методов в развитии динамики при сохранении прежней трактовки ее физических основ. В этом сказалось также и сохранение преобладающего в то время влияния механицизма. Далее Б. Г. Кузнецов отметил, что несмотря на творческую индивидуальность крупнейшие ученые этого периода подходили к проблеме динамики в основном аналогичными путями.

Отметив многогранную и плодотворную деятельность Бориса Григорьевича Кузнецова как ученого-историка науки, обладавшего несомненным и редким талантом, нельзя не вспомнить о нем и как о человеке, и друге.

Мне посчастливилось работать с ним в Институте истории естествознания и

техники АН СССР почти в течение 30 лет. Наше первое знакомство состоялось осенью 1954 г., когда я пришел в институт на должность ученого секретаря и одновременно заведующего сектором истории физико-математических наук. Б. Г. Кузнецов был в то время старшим научным сотрудником этого сектора. С тех пор и до конца его жизни мы были не только коллегами, но и настоящими друзьями. Я был ответственным редактором многих книг Б. Г. Кузнецова, а также первым читателем некоторых его трудов. Среди них: «Основы теории относительности и квантовой механики в их историческом развитии» [16], «Принцип относительности в античной, классической и квантовой физике» [12], «Ньютон» [17] и др. Под нашей совместной редакцией в 1979 г. опубликована коллективная монография «Механика и цивилизация XVII—XIX вв.» [18]. Мы являемся соавторами более десяти статей по истории науки, в том числе: «К 250—летию со дня смерти Ньютона (1727—1977)» [19], «К вопросу о необратимости космической эволюции, познания и культурно-исторического процесса» [20] и др.

Борис Григорьевич Кузнецов был человеком не только огромной эрудиции, но и прекрасной души и большого обаяния. Он всегда был готов оказать необходимую помощь окружающим, любил друзей и поддерживал их в трудную минуту. В отношениях с людьми его отличала редкая душевная чуткость и большой такт. Всегда подтянутый, энергичный, элегантный, с утонченными (быть может, в известной мере даже аристократическими) манерами, он обладал блестящим остроумием, тонким юмором и был прост и приятен в общении. Его юмор был мягким, ненавязчивым и иногда проскальзывал даже в серьезных, ответственных выступлениях. Я не припомню случая, когда Борис Григорьевич утратил бы самообладание: любые возражения и замечания по работе он делал в безобидной форме. Среди коллег он пользовался всеобщей любовью.

В Б. Г. Кузнецове, как в истинном ученом и человеке большого дарования и таланта, сочетались такие качества, как глубокая, основанная на блестящем знании предмета убежденность и неизбежные для творческого поиска сомнения; довольно сильный, решительный характер, виртуозность в делах и подкупающая мягкость и скромность в общении. Нужно сказать, что общение с Борисом Григорьевичем неизменно доставляло мне большое удовольствие, нередко переходящее в ощущение радости. Мне приходилось неоднократно наблюдать, как ему удавалось приободрить и уместной, остроумной шуткой поднять настроение окружающих. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что одно только его присутствие создавало в коллективе особый микроклимат взаимного благожелательства и вместе с тем известного академизма. Как в научных исследованиях, так и в отношениях с людьми Б. Г. Кузнецова отличали высокие критерии, и он тем самым невольно предопределял некий довольно высокий уровень, которого необходимо было придерживаться его коллегам и друзьям. Дав слово, он всегда его держал; был точен и аккуратен во всем, прежде всего, в отношении выполняемой им работы. Говоря о работе Б. Г. Кузнецова, нельзя не отметить его поразительную работоспособность. Благодаря высокой организованности и самодисциплине он многое успевал: наряду с плановой работой в секторе выполнял большой объем и других исследований. Причем среди этих последних были отнюдь не какие-либо эпизодические работы, но многие крупные исследования по истории и философии науки.

Глубина интеллекта, своеобразие и масштаб таланта Б. Г. Кузнецова как историка науки оставили заметный след в отечественной и мировой науке в виде целого ряда замечательных, глубоких и смелых по замыслу и оригинальных по содержанию исследований. Десятки его книг и статей изданы на английском, французском, немецком, испанском, итальянском, болгарском, польском, чешском, румынском и других языках. Б. Г. Кузнецов был членом редколлегий многих советских и зарубежных журналов по истории науки, а также журналов «Вестник АН СССР» и «Наука и жизнь».

Большие заслуги Б. Г. Кузнецова в области истории науки получили широкое признание как в СССР, так и за рубежом. В 1942 г. ему было присвоено высокое

звание лауреата Государственной премии СССР. В 1960 г. он был избран членом-корреспондентом, а уже в 1961 г. — действительным членом Международной Академии истории наук. В течение десяти лет Б. Г. Кузнецов являлся президентом Международного Эйнштейновского комитета и Комитета по истории новейшей физики.

Обаяние неповторимой личности Бориса Григорьевича Кузнецова, крупного ученого и прекрасного человека, всегда с нами.

Список литературы

1. Кузнецов Б. Г. Очерки по истории электротехники. М., 1936.
2. Кузнецов Б. Г. История энергетической техники. М., 1937.
3. Кузнецов Б. Г. Единая высоковольтная сеть СССР. М., 1931.
4. Кузнецов Б. Г. Новые принципы энергетической техники // Электроэнергетика СССР. М., 1935. Т. 1.
5. Кузнецов Б. Г. Абсолютное пространство в механике Эйлера // Тр. Института истории естествознания Академии наук СССР. М., 1946. Т. 1.
6. Кузнецов Б. Г. Относительное и абсолютное движение у Ньютона // Изв. Академии наук СССР. Отделение истории и философии. 1948. № 2.
7. Кузнецов Б. Г. Физика Эйлера и учение Лейбница о монадах // Тр. Института истории естествознания Академии наук СССР. М., 1948. Т. 2.
8. Кузнецов Б. Г. Ломоносов, Лобачевский, Менделеев. Очерки жизни и мировоззрения. М.; Л., 1945.
9. Кузнецов Б. Г. Проблема абсолютного движения Земли в «Диалоге» Галилея // Труды института истории естествознания и техники. М., 1954. Т. 1.
10. Кузнецов Б. Г. Исторические корни электродинамики Максвелла // Там же. М., 1959. Т. 5.
11. Кузнецов Б. Г. Развитие научной картины мира в физике XVII—XVIII вв. М., 1955; Принципы классической физики. М., 1958; Основы теории относительности и квантовой механики в их историческом развитии. М., 1957.
12. Кузнецов Б. Г. Принцип относительности в античной, классической и квантовой физике. М., 1960.
13. Кузнецов Б. Г. Относительность и бесконечность // Эйнштейн и развитие физико-математической мысли. М., 1962.
14. Кузнецов Б. Г. Эйнштейн. М., 1962.
15. Кузнецов Б. Г. Встречи. М., 1984.
16. Кузнецов Б. Г. Основы теории относительности и квантовой механики в их историческом развитии. М., 1957.
17. Кузнецов Б. Г. Ньютон. М., 1982.
18. Механика и цивилизация XVII—XIX вв. / Под ред. Б. Г. Кузнецова и А. Т. Григорьяна. М., 1979.
19. Кузнецов Б. Г., Григорьян А. Т. К 250-летию со дня смерти Ньютона (1727—1777) // Диалектика. 1977. № 4.
20. Кузнецов Б. Г., Григорьян А. Т. К вопросу о необратимости космической эволюции, познания и культурно-исторического процесса // Органон. 1977. № 12—13. С. 158—192.

С. С. ИЛИЗАРОВ

«КОТ, КОТОРЫЙ ХОДИТ САМ ПО СЕБЕ»

Предваряя публикацию выступления Бориса Григорьевича Кузнецова на заседании Ученого совета Института истории естествознания и техники АН СССР от 15 декабря 1959 г., в котором он делится своими воспоминаниями о создании Института истории естествознания (ИИЕ), хотелось бы, чтобы читатель сперва познакомился с некоторыми малоизвестными или совсем неизвестными фактами его биографии. Но сначала два слова, поясняющими заголовок этой заметки.

Читая и перечитывая «Встречи» Б. Г. Кузнецова, единственную в своем роде книгу воспоминаний историка науки, обращаешь внимание на то, что знаменитый киплингковский образ ему чрезвычайно импонировал и как нельзя более точно характеризовал его творческий путь, жизненные принципы и мотивацию поведения*. Дабы не быть голословным, приведу небольшой фрагмент из этой книги.

* Не случайно, что в пространном списке опубликованных работ Б. Г. Кузнецова не найти его соавторов, за исключением трех-четырёх случаев (Б. Л. Комаров, Г. М. Кржижановский, И. Б. Погребыский...).